

Ответная реплика

И. Е. ГОЛОВАХА-ХИКС

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР ФОЛЬКЛОРИСТА:

«BACK TO USSR» OR FORWARD TO A CHAOS?

С большим интересом прочитав комментарии российских коллег-фольклористов относительно моих взглядов на развитие фольклористики на современном этапе, я почувствовала, что должна остановиться на более интересных моментах детальнее. Не стану защищаться, доказывать свою начитанность, подтверждать, что мне известны и понятны современные тенденции и направления науки, которой я занимаюсь уже 19 лет. Личностно-эмоциональные нападки — не лучший способ вести научные дебаты, а, кроме того, невольно вспоминается крылатая фраза: «Ты берешься за молнию вместо ответа и тем самым обнаруживаешь, что ты неправ!»

Итак, переходя от моей несовершенной личности к любимой нами всеми науке, ответу на наиболее существенные и интересные критические замечания. В первую очередь, это касается замечаний Константина Богданова и Владимира Кляуса о фольклоре США. Хочу настойчиво подчеркнуть, что в США, безусловно, бытует традиционный фольклор (хотя, на мой взгляд, фольклор и не стоит делить на «постфольклор», «современный» и «традиционный»). Так же, как в России и в Украине, в американских городах распространены городские легенды и нарративы о привидениях, умерших родственниках, «hunted houses» и т. д. Активно бытуют суеверия (вплоть до того, что в престижных небоскребах нет 13-го этажа), существуют сообщества ведьм и колдунов (к примеру, в Западной Виргинии), популярно толкование снов, ворожей и гадалки. Даже при поверхностном знакомстве с населением маленьких городков легко зафиксировать топонимические легенды в Пенсильвании, Виргинии, Джорджии (это фольклор так называемых *red necks*). Американские фольклористы не сильно ими интересуются (кстати, еще одно последствие развития современной фольклористики и отчасти

политики университетов, направленной на изучение «меньшинств»), а европейские ученые априори уверены, что в Америке никакого фольклора нет и быть не может. В глазах наших фольклористов, какой же традиционный фольклор без бабушек, избушек, былин и сказок? Но упомянутые выше жанры — это только фольклор белых американцев. А сколько существует записей и исследований посвященных фольклорным традициям афро-американцев, латино-американцев и диаспорным меньшинствам? Впрочем, если считать фольклором только «героический эпос» или фольклор «нищих», поющих про «Голубиную книгу» или «двух братьев Лазарей» (Панченко), тогда, конечно, Америка совершенно обесфольклорена. Впрочем, как и Украина. Во-вторых (это относится к замечанию Константина Богданова), говоря об истории фольклористики, я имела в виду фольклористику, безусловно, славянскую (в частности, российскую и украинскую). Что касается понимания (или непонимания) украинскими фольклористами российской фольклористики (замечание Владимира Кляуса), то данная статья выражает только мою точку зрения, не показательна и, наверняка, отличается от мнения моих украинских коллег. Большинство украинских фольклористов, вероятно, не согласны с моими взглядами, не менее, чем их российские коллеги. В данной статье я пыталась дать оценку отнюдь не российской науке, а развитию фольклористики в начале XXI в. Эта статья стала итогом размышлений после посещения американских, канадских, украинских, европейских, российских конференций и чтения теоретических исследований современных фольклористов. Но я не хочу, да и не могу считать, что она представляет точку зрения других украинских исследователей.

По поводу довольно грубого и неуместного для научных дебатов комментария Александра Панченко относительно «ошалевших от отсутствия газа украинских крестьян» хочу отметить, что мне, в отличие от Панченко, повезло, и «виртуоза-сказочника» (кстати, не термин ли это из советской фольклористики 30-х годов? Если мы отказываемся от современной терминологии, то не уместно ли будет, в первую очередь, отказаться от грубого деления исполнителей на «мастеров» и «подмастерьев») мне встретиться посчастливилось. Им был Николай Труш

из села Плоское Черниговской области. Его тексты и биографию можно прочитать в сборнике «Фольклорная проза села Плоское на Черниговщине» (2004). Если бы Панченко читал работы украинских коллег, он бы увидел записи текстов, ничуть не уступающих текстам Азадовского, Соколовых, Никифорова. Кроме того, Александр Панченко, с одной стороны, обвиняет меня в непонимании смысла «современных дебатов», а с другой, показывает полное непонимание американской фольклористики, поскольку Дандес о фольклоре и не говорил, его беспокоил отнюдь не фольклор, а фольклористика. Просто до 1970-х гг. в американской фольклористике эти термины не разграничивались. Поэтому наиболее известное фольклористическое сообщество и называется «Американское *Фольклорное* общество». Тут я, в свою очередь, хочу порекомендовать Панченко ознакомиться с работами Дорсона и Баумана.

И, наконец, не стоит так бояться возвращения в СССР. Не стоит забывать, что мы все вышли из советской фольклористики. Открещиваться так публично и агрессивно от нее, по меньшей мере, неблагодарно. Я понимаю, что быть приверженцем определенных течений сегодня несовременно (Дандеса, к примеру, читать современно, а Соколова — нет), употреблять витиеватые термины, позаимствованные из философии, психологии, социологии современно, а из советской фольклористики — почти морально-этический криминал. Но это только веяние эпохи, со временем эмоции и гнев ослабеют, и следующие поколения смогут более трезво и критически оценить развитие фольклористики, все положительные и отрицательные моменты каждой исторической эпохи. Мне всегда очень нравился учебник «Русское народное творчество» 1966 года издания, мне он и до сих пор нравится (представляю бурю негодования, которую вызовет эта фраза в рядах «модных» фольклористов), потому что, если отбросить налет марксистской пропаганды, то остается серьезная наука, в которой четко выделены границы дисциплины и определен предмет исследования. Может, отчасти ошибочно и неверно, может, слишком «узко», но где то самое «верно» в фольклористике: мифологическая школа, так и не нашедшая никаких исторических корней, и лишь спекулировавшая броскими концепциями? Мо-

жет, верными можно назвать 31 функцию волшебной сказки Владимира Проппа (а пытались ли вы хоть раз приложить эту концепцию к практическому применению? Попробуйте, но учтите, что занятие это неблагодарное). Или, может, верными были структурологические нагромождения Клода Леви-Строса, опровергнуть которые невозможно, ибо все построено на вымышленных формулах, которых фольклористы загода боятся, поскольку они отдаленно напоминают формулы математические? А вот «архетипы» Карла Юнга (которыми на постсоветском пространстве бросаются провинциальные ученые) все-таки были опровергнуты, и не единожды. Очень соблазнительно считать верным фольклорный психоанализ Алана Дандеса, но правильнее назвать его концепции неординарными. Поэтому советская фольклористика, если и заблуждалась, то не более, чем все иные фольклористические теории XX в., зато фантазии с литературоведческим уклоном были куда более организованными и структурированными, чем современные. Кстати, и в американской фольклористике до 70-х годов двадцатого столетия учебники были структурированы по жанрам (см. А. Краппе «The Science of Folk-lore», 1929 («Наука о фольклоре» Александра Краппа) или Н. Брунванд «The Study of American Folklore», 1968 («Изучение фольклора» Г. Брунварда)), а вот уже учебник Р. Дорсона 1982 года издания «Handbook of American Folklore» («Учебник американского фольклора»), структурированный по новым научным принципам, менее логичен и последователен и более политизирован и удален от науки, чем предыдущие. Современные американские фольклористы, на теоретическом уровне отошедшие от понятия «жанр», на практике нередко опираются на традиционную жанровую систему, которая предлагает фольклористике хоть какую-то внутреннюю структуру.

И, наконец, кризис (где бы он ни проявлялся) не может быть ни «интересен», ни «естественен» — естественно и интересно может быть его разрешение, а современная фольклористика, отказавшись от «некритичного эссенциалистского использования понятий “фольклор”, “жанр”, “традиция” и других ключевых терминов фольклористики XIX — первой половины XX в.», кризис этот только усугубляет.